

В.Н. Токмаков

РИМСКИЙ СЕНАТ И ЦЕНТУРИАТНАЯ ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ПЕРИОД РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ (V—IV ВВ. ДО Н.Э.)

Не будет преувеличением сказать, что римский сенат — неординарное явление в истории, — поэтому его социальный состав, политические функции, сакральные основы и другие аспекты его многогранной деятельности всегда привлекали внимание исследователей. Неоднократно обращались историки и к выяснению роли сената в системе государственных институтов периода Ранней республики и в генезисе раннеримской *civitas*, политический строй которой обычно характеризуется как «сенатское правление», а вся мощь патрициев в общественных делах концентрировалась в основном в сенате, сохранявшем до IV в. до н.э. патрицианский характер и служившем оплотом патрициата, и во власти распределяемых между его членами магистратур¹.

Однако из поля зрения исследователей обычно выпадает военный аспект деятельности сената в период зарождения в середине VI в. до н.э. при царе Сервии Туллии центуриатной военной организации², которая к середине V в. стала господствующей и составила ядро политической системы раннеримской *civitas*³. По своей структуре центуриатная военная организация была противоположна патрицианскому куриатно-родовому сенату. Тем удивительнее резко возросшее после свержения царей влияние сената в военных делах и управлении воинскими центуриатными силами общины. Без выяснения причин этого до конца не освещенного в историографии феномена сложно понять как особенности политического и конституционного развития римского полиса, так и военно-правовое значение самого сената и социально-политическую сущность центуриатной военной организации, которая пронизывала все поры раннеримского общества и заложила основы последующего могущества Рима.

Поэтому в данной статье предпринимается попытка на основе анализа римской и греческой письменной традиции выяснить: 1) конкретные военные прерогативы и функции сената в V—IV вв.; 2) место и роль сената в военной организации раннереспубликанского общества; 3) причины сохранения полновластия сената после реформы Сервия Туллия и резкого возрастания его доминирования после свержения царей в конце VI в. до н.э.

¹ *Mommsen T. Römische Forschungen. T. 1. B., 1864, S. 112; Bernardi A. Patricii e plebei nella costituzione della primitiva republica romana // Rendiconti dell'Istituto lombardi di scienze lettere. Milano, 1945/1946. V. 79. P. 6.*

² *Botsford G.W. The Roman Assemblies from the Origin to the End of the Republic. N.Y., 1909. P. 24, 68, 75; Sherwin-White A.N. The Roman Citizenship. Oxf., 1939. P. 10; Last H. The Servian reform // JRS. 1945. 35. P. 30—34, 44; Magdelain A. Remarques sur la société romaine archaïque // REL. 1971. 49. P. 103—217; Nicolet Cl. Armée et société à Rome sous la République: À propos de l'ordre équestre // Problèmes de la guerre à Rome. Paris-La Haye, 1969. P. 117—156; Kienast D. Die Politische Emanzipation der Plebs und die Entwicklung des Heerwesens in frühen Rom // RhM. 1975. Bd. 75. S. 98 ff.*

³ *De Martino F. La «gens», lo stato e le cl'asi in Roma antiqua // Diritto e società nell'antica Roma. Roma, 1979. P. 68—69; Heurgon J. Rome et la Méditerranée occidentale jusqu'aux guerres puniques. P., 1969. P. 247—257.*

В историографии существует идущая от В. Ине точка зрения об отсутствии у сената в Ранней республике как законодательных, так и исполнительных и судебных функций. Он считается просто консультативным органом, которому разрешено было давать магистратам лишь советы⁴. Но с другой стороны, преобладает обоснованное еще Т. Моммзеном мнение, согласно которому на всем протяжении римской истории сенат играл огромную, по существу руководящую роль. Он ведал государственными финансами, всеми внешними сношениями и политикой, назначал экстраординарных магистратов, принимал решения об объявлении войны и заключении мира⁵. Действительно, источники рисуют картину полновластия сената, но как бы размытую. Согласно Саллюстию (Jug. 27), сенат решал все военно-политические дела. По Дионисию (VI.67.3), «...сенат наделен высшей властью во всем кроме назначения магистратов, проведения законов и провозглашения или окончаний войн, полномочия в осуществлении этих трех дел возлагаются на народ посредством голосования». Однако именно сенат составлял списки магистратов, предлагаемых комицией⁶ для избрания. А замечание Аппиана (Rom. (Celt.) III.5) о принесении Цедицием Камиллу постановления сената о своем избрании консулом позволяет заключить, что и выбранные кандидаты также одобрялись сенатом еще в начале IV в. (ср. Liv. V.18.1.).

Наиболее подробную сводку прав и прерогатив сената составил Полибий. Среди важнейших функций, имевших отношение к военной организации, он называет ведание внешней политикой, установление численности воинских контингентов, назначение сроков воинских наборов, определение состава и величины пополнения легионов, распределение театров боевых действий, или провинций, между военачальниками, руководство дислокацией армий, снабжение войск, награждение полководцев и распоряжение военной добычей (VI.17.1—7). В целом Полибий представляет сенат как полновластный орган верховного распоряжения военными силами Рима. Но отражает ли статус сената, сложившийся в III—II вв., реалии Ранней республики?

Анализ конкретных сообщений традиции о ситуации V—IV вв. позволяет подтвердить прежде всего право сената Ранней республики объявлять войну. Наиболее употребляемая Ливием для этого формула — «постановлением сената и по приказу народа объявлена война» (ex senatusconsulto populusque iussu bellum indictum: IV.11.3; VI.22.4; X.12.3). Приведенные выше возражения Дионисия (VI.67.3) следует понимать не как отстранение сената от столь важной прерогативы, а как предварительное обсуждение вопросов и вынесение специального сенатусконсульта (Liv. IV.57.8). Это вытекает из пассажа Ливия: «...сенат постановил в скорейшем времени предложить народу объявить войну» (patres... decreverunt, ut primo quoque tempore ad populum ferretur de bello indicendo: VI.21.3; ср. VIII.23.12). Впрочем, регулярное употребление формулы iussu populi встречается у Ливия применительно к событиям со второй половины V в., когда после реформ Валерия и Горация роль центуриатных комиций значительно возросла, а сферы компетенции органов управления civitas приобрели более четкие очертания.

Любопытно замечание Дионисия о том, что «решение консулов о войне было одобрено сенатом» (V.23.2; ср. VI.67.3). Отсюда вытекает, что сенат голосовал (ψηφομα: XI.23.1.) за войну, инициатива объявления которой исходила от консулов. Но очевидно, что консулы были такими же инициаторами, как и послы соседних с

⁴ Ihne W. Early Rome from the Foundation of the city to First Destruction by the Gauls. L., 1876. P. 122—124; Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1. М., 1936. С. 216.

⁵ Моммзен Т. История Рима. Т. 1. До битвы при Пидне. М., 1936. С. 300—301; Ковалев С.И. История Рима. Л., 1948. С. 97; Немировский А.И. История раннего Рима и Италии: возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962. С. 260; Утченко С.Л. Древний Рим: События, люди, идеи. М., 1969. С. 18—19; Егоров А.Б., Неронови В.Д. Римская республика с конца VI до середины II в. до н.э. // История древнего мира. Т. 2. М., 1984. С. 465—466.

⁶ Palmer R.E.A. The Archaic Community of the Romans. Cambr., 1970. P. 198.

Римом племен, умолявшие в римском сенате о заступничестве; иными словами, последнее слово принадлежало сенату. Его голосование и постановление (сенатусконсульт) давало правовую и сакральную санкцию на подготовку к войне и выступление войска, народ же (*populus*), организованный в военизированные центуриатные комиции — собрание всех военнообязанных, только одобрял это решение (*Liv. VIII. 29.6; Dion. VIII.91.1; IX.69.2; X. 43.1*).

Характерно замечание Ливия: «...сенаторы постановили, чтобы консулярные трибуны внесли в народное собрание предложение о войне» (*IV.58.8*). Оно выявляет особенность сенатских декретов или консультов (более подробно рассмотренную ниже), которые были обращены не напрямую к народу и комициям, а к конкретному магистрату, через которого поручение выполнялось. Возможно, это было связано с тем, что обращаться с предложениями к комициям, особенно военным центуриатным, мог только выбранный этими комициями магистрат, к коим сенаторы не принадлежали. Ливий сообщает, что «сенаторы постановили преследовать тускуланцев войной и поручили войну Камиллу» (*cum bello patres censuissent Camilloque id bellum mandassent: VI.25.5*). Здесь историк объединяет два постановления (впрочем, на практике они могли даваться и одновременно). В первом, о решении объявить войну, он употребляет глагол *sensere* (решать, советовать), что указывает на рекомендательный характер постановления и намекает на передачу окончательного утверждения на усмотрение комиций, а во втором — применяется глагол *mandare* (передавать, поручать) в значении приказа и вручения империя для исполнения конкретному магистрату. Упомянутые Ливием в другом месте разногласия по поводу того, достаточно ли для объявления войны сенатусконсульта или все же требуется согласие народа (*IV.30.15*), ясно свидетельствуют, что по крайней мере до середины V в. сенат мог непосредственно объявить войну, особенно при нападении врагов.

Как показывают источники, в V в. войны нередко объявлялись Римом по просьбе союзных или просто соседних племен, в том числе недавних заклятых противников. Так, вскоре после окончания Латинской войны латиняне направляют послов в сенат, прося либо помощи в войне с эквами, либо позволения самим вооружиться, чего они не имели права делать по договору с Римом. Сенат решает, что для Рима безопаснее встать на защиту безоружных латинян, чем позволить им вновь взяться за оружие (*Liv. II.30.8—9*). В данном случае консула с войском послали на войну даже без согласования с комициями.

Именно сенат как постоянный орган принимал послов, получал от них сведения о намерениях других племен и исходя из интересов Рима решал вопрос о форме реагирования⁷. Так, в 464 г. сенату донесли о готовящемся отпадении от Рима Анция и «консулам поручили (*datum negotium*) вызвать в Рим вождей этого племени» для выяснения обстоятельств дела (*III.4.5—6*). В случае подтверждения серьезности угрозы для объявления войны племени, с которым у Рима был мир, перемирие или просто отсутствие войны, сенат голосовал послать фециалов (*VII.9.2; VIII.23.3; Dion. IX.60.6*).

По объявлении войны сенатусконсультом магистрат-военачальник провозглашал *iustitium* — закрытие судов, но всегда опять же по постановлению сената (*ex auctoritate patrum: Liv. III.3.6; 5.4; IV.11.3; 26.1; X.21.3*). Так как консулу принадлежало право *iustitium*, складывается впечатление, что нередко сама война начиналась ради этого права, ибо оно вкупе с военным империем означало прекращение апелляций, в том числе по земельному и долговому вопросам, и отмену права провокации гражданина к центуриатному собранию (*Cic. Leg. III.3.6*). Недаром особенно часты упоминания традиции о закрытии судов при назначении сенатом диктаторов⁸, в чем особенно ярко проявилась эта связь.

Дионисий фиксирует распространенную ситуацию, когда сенат приказывает обоим

⁷ *Liv. II.22.5; 26.4—5; 30.8; VI. 10.6—9; 25.2; VII.19.4; 30.1; Dion. VI.35.4; App. Rom(Celt). II.9.1.*

⁸ *Liv. II.27.2; IV.26.12; 31.9; VII.9.6; Cit. Att. IV.18.3.*

консулам отправиться на войну и консулы объявляют набор (X.43.1). Набор здесь остается прерогативой консулов, неотъемлемой частью их империя (Polyb. VI.12.5—8), но поручение произвести его исходит, вместе с решением о войне, от сената⁹. Тем не менее есть и другие данные. По Ливию (VI.27.9), сенат в 380 г. постановил набрать новые легионы, причем при нежелании плебеев записываться в войско набор заботил сенат больше, чем взыскание долгов с должников. Ливий упоминает также о непосредственной агитации сенаторов во время набора (II.28.9) и о назначении двух сенаторов возглавлять каждый набранный отряд (III.69.8).

По данным Дионисия (IX.63.2), сенат приказал Квинкцию набрать цвет молодежи, пеших и всадников, и, назначив его проконсулом, повелел выйти в поле. А несколько ранее он сообщает, что сенат отправил в 461 г. обоих консулов на войну и дал им хорошо вооруженные и большие армии (IX.61.1; ср. XIV.6.5). Ливий также нередко опускает промежуточные этапы процедуры подготовки к войне и создается впечатление, что сенат приказывает произвести набор напрямую (II.28.5; III.10.9; X.21.3—4). Итак, источники позволяют проследить самое живое участие сената в наборе войск, причем основанное не на текущих обстоятельствах, а на древних обычаях и установлениях. Сенат не только поручает декретом набор консулам, но и может влиять на его величину¹⁰. Последнее подтверждает пассаж Ливия о том, что «было решено» (формула, за которой обычно скрывается именно сенатское постановление¹¹), набирать войско не из всего народа, а из 10 триб по жребию (IV.46.1).

Однако следует учесть, что вмешательство сената в определение численности набора происходило, как правило, в том случае, если в условиях серьезной военной угрозы превышалась численность ординарных консульских войск¹². Специальное постановление применялось также при проведении чрезвычайного или дополнительного набора¹³. С одной стороны, это объяснялось отсутствием консулов в Городе. Например, в 350 г. консул Папирий, которому вне очереди была поручена война с галлами, набрал войско из четырех легионов, остальных набранных воинов передал претору, а сенаторам предложил собрать другое войско для защиты государства от нечаянностей войны (Liv. VII.23.3—4). С другой стороны, это связано с проблемой снабжения войск¹⁴. По сообщениям Полибия (VI.15.4) и Саллюстия (Jug.27), именно сенат определял суммы для содержания войск и их вооружения, и без сенатского постановления никакие припасы и пополнение доставлены быть не могли.

Если учесть, что даже в период Ранней республики оружие могло выдаваться из эрария (Liv. III.15.7—8; 18.4; Dion. X. 15), которым через квесторов ведал сенат¹⁵, то его значение становится понятным и оправданным. Поэтому Дионисий говорит о предоставлении консулам хорошо вооруженных войск (IX.61.1), а Ливий передает, что именно сенаторы первыми показали пример в выплате трибута для жалования войскам в 406 г. (IV.59.11; 60.6—7). Сенатское выделение жалования для армии¹⁶ также было средством воздействия на воинов в нужном для сенатской аристократии духе. Возможно, с этим связана столь судорожная реакция на попытку частного лица, Сп. Мелля, нарушить монополию сената на распоряжение оружием и снабжение хлебом, а значит и на обеспечение ими воинских сил (Liv. IV.13.8).

⁹ Liv. II.27.10; 28.5; 32.1; III.10.9; 65.6; IV.55.2; Dion. VI.23.2; XI.3.6.

¹⁰ Liv. II.30.6; VII.19.7; X.21.3; Dion. IX.63.2; XI.54—3.

¹¹ Liv. II. 30.6—9; 51.1; 53.5; III.8.4,7; VII.12.9; VIII.12.5.

¹² Скрипичев Е.А. К постановке проблем военного права древнего Рима // Военно-юридическая академия Красной Армии. Труды. М., 1949. Вып. X. С. 162; Нетушил И.В. Очерк римских государственных древностей. Вып. 2. Харьков, 1897. С. 265.

¹³ Liv. III. 3.11; 30.3; 65.6; V.37.7; Dion. VIII.87.3.

¹⁴ Нетушил. Ук. соч. С. 265; Ковалев. Ук. соч. С. 97.

¹⁵ Маяк И.Л. Ранняя республика в Риме (V—IV вв. до н.э.) // История Европы. Т. 1. М., 1988. С. 370.

¹⁶ Liv. II.9.6; VII.11—12; Dion. IX.59.4.

Даже к распределению добычи сенат имел непосредственное отношение, причем не только как хранитель эрария, но и как распорядитель казной для снабжения войска. Чем меньше добычи было в казне, тем больше приходилось собирать трибута. О праве сената на истребование части добычи в казну свидетельствует уникальный эпизод с Камиллом, который после захвата Вей отправил сенату письмо с вопросом, как поступить с добычей (Liv. V.20.2—10).

В период Ранней республики сенат назначал время выступления консулов в поход и время роспуска войска после завершения кампании. Несмотря на то что победа над противником фактически заканчивала войну, именно сенат, согласно данным традиции, специальным постановлением освобождал войско от присяги и распускал его. Но он мог и оставить воинов под знаменами (Liv. VI.14.1). Накануне первой сецессии сенаторы, боясь возобновления социальных конфликтов и не желая выполнять обещания о прощении долгов плебейм, призывают под предлогом продолжения действия присяги воинов консулам вновь вывести войска из Рима и не распускать их (II.32.1; Dion. VI. 43.2; 45.1). В 458 г. после сложения полномочий диктатором Цинциннатом продолжил военные действия консул Навций, а на смену консулу Минуцию на Альгид «послали» (декретом сената) Фабия. Причины пролонгирования войны обнаруживаются в замечании Ливия о том, что уже на исходе года плебейские трибуны пытались провести закон, но сенаторы добились запрета вносить какие бы то ни было предложения народу, пока отсутствуют оба войска (III.29.7—8). Таким образом, войска оставались под знаменами вплоть до следующих выборов, затем последовали ауспиции, весенние празднества, и наконец, «отцы» дотянули до очередного, кстати, мелкого набега эквов на Корбион, что позволило произвести чрезвычайный набор и вновь услать войско из Города, опять отложив принятие аграрного закона (III.30.2—4).

Роль сената в роспуске войска, как мы видим, была велика и определялась необходимостью осуществления акта превращения воинов, находящихся в состоянии войны, т.е. «неграждан», вновь в граждан-общинников, обладавших правом участия в общественно-политической жизни *civitas*. Следует учесть, что такое превращение в Ранней республике осуществлялось путем люстрации и снятия присяги, санкционированных специальным актом сената как носителя высших ауспиций общины, ежегодно, так как войско каждую кампанию набиралось заново, хотя собственно воинская присяга приносилась военачальнику.

Характерно, что при всем полновластии военачальника (консула, диктатора, консульного трибуна) в войске он выступал скорее как уполномоченный сената в делах, требующих санкции от имени всей общины — в досервианское время куриатной, затем центуриатной. Консул не просто созывал сенат для провозглашения войны — он обязан был это сделать и получать поручения сената, какой бы формальностью ни стала эта процедура. Он же обязан был представить сенату — обычно на Марсовом поле (Liv. III. 63.6) или в Курии — отчет в своих действиях. И уже сенат своим сенатусконсультом определял степень исполнения поручения консулом и окончание войны. С этим же связано предоставление сенатом триумфа военачальнику. Оно символизировало его роль как высшего представителя всей общины, прежде всего куриатной, которая давала военачальнику империй и вручала сенату право действовать от ее имени¹⁷. Заметим, что попытки отдельных магистратов провести триумф без согласия сената, по воле народа (*populus*) или за свой счет не пресекались, так как сенат не обладал для этого возможностями и полномочиями, ибо высший суверенитет и империй оставался у комиций, т.е. всей *civitas* (Liv. III.9.5; 10.2—4), но они встречали сильное неодобрение и противодействие сената¹⁸. Тем более, что сам

¹⁷ Liv. II.47.10; III.10.4; 29.4; 63.5—8; IV.10.4—7; 20.1—2; 29.4; 34.4; 43.2; 53.11; V.23.5; 31.4; VIII.26.7; X.37.6; Dion. VI.17.2; 30.2; 43.1; IX.58.8; XI.49.2; Polyb. VI.15.7—9; Plut. Popl.9; Aur. Vict. V.1. 23.25; 27.1; Val. Max. III.6.5.

¹⁸ Liv. III.63.9; X.37.6—12; Dion. VI.30.2—3; Diod. XIV.117.5—6.

отказ в государственных почестях от лица всей общины полноправных граждан, сакрализованной ауспигиями, умалял заслуги полководцев и использовался как средство воздействия на них для поощрения или порицания.

Сенат в V—IV вв., как правило, не вмешивался в непосредственное командование войском, подвластным империи военачальника, но воздействовать на него самого он имел возможность. Это проявлялось, например, в определении провинции. Сенат указывал, какому консулу против какого народа воевать¹⁹, и сенатусконсультом давал соответствующие поручения консулам²⁰, а при правлении консулярных трибунов определял, сколько трибунов отправятся с войсками (Liv.IV.45.7). Хотя обычай требовал определения провинций по жребию²¹, в традиции есть сведения об отправке консулов «вне очереди» или без жребия (Liv. III.2.2; VI.22.6; X.24) преимущественно с IV в. Со второй половины IV в. у Ливия появляются сообщения о прямом вмешательстве сената в управление войсками. Так, сенат запретил консулу переходить Циминийские горы (IX.36.14), а консул Папирий с вновь набранным войском захватил Дуронию «по постановлению сената» (*ita enim decretum erat*: X.39.4). Консул мог быть также отозван сенатом с театра военных действий в Рим, в частности для проведения выборов (II.51.2; III.20.1; VIII.20.1). Данное обстоятельство можно объяснить удаленностью и разбросанностью театров военных действий с середины IV в., что превращало сенат в орган координации и управления всеми воинскими силами. Но и в этом случае сенат распоряжался не собственным войском, а магистратом на основе своего права по «обычаю предков» (*Cic.Dom.IX.24*). Наконец, следует выделить право сената заключать полноценный мир или определять иную участь побежденных племен²². Консулы могли, как известно, заключать лишь временное перемирие (*sponsio*), которое получало юридическую силу только после утверждения сенатом²³. В исключительных случаях сенат мог даровать право самостоятельно заключать мир самому магистрату²⁴.

Проведенный обзор конкретных данных источников в целом подтверждает характеристику Полибием военной роли римского сената. Действительно, уже в начале Республики он сконцентрировал в своих руках практически все сферы деятельности римской военной централизованной организации, сам став ядром и управляющим центром. Он определял внешнюю политику *civitas*, обычно тесно переплетенную с военной, и служил своеобразным аналитическим центром, куда стекалась информация о поведении окружающих Рим народов и где эти сведения обрабатывались исходя из интересов Рима и, таким образом, просчитывались целесообразность и формы реагирования на возникавшую военную угрозу. Сенат контролировал процесс комплектования римских воинских сил, определял сроки начала боевых действий, ежегодная повторяемость которых превращала их в важнейшую часть существования всех членов *civitas*. Сенат постоянно держал в поле зрения поведение военачальников, непосредственно участвовал в распределении добычи, включая раздел захваченной земли, выведение колоний, решение вопроса о контрибуциях и поставках другими народами продовольствия в общественные хранилища и т.д.²⁵ Сенат также заключал мир и единолично обсуждал условия мирных договоров²⁶.

Фактически это означало, что власть сената включала в себя реальное верховное распоряжение и управление войском, которое функционировало под руководством

¹⁹ Liv. II.51.1; 53.5; III.2.3; 4.9—10; 8.4.7; *Dion.* XI.54.3.

²⁰ Liv. III.40.10; 21.1; 25.9; VI.9.5; X.11.4; 39.4.

²¹ Liv. III.57.9; IV.37.6; 43.1; V.29.5; VI.22.6; VII.23.1—2; X.24; *Dion.* X.16.2.

²² Liv. III.63.6; V. 15.8; 19.5; 20; 27.10—15; 50.8; VI.25.2; X.5.12; *Plut.* Cam.20.

²³ Liv. IV.58.1; V.23.12; IX.9.16—18; *Cic. Leg.* II.21; *De off.* I.11.36; III.30.109.

²⁴ Liv. II.22.5; V.48.8; *Dion.* V.60.2—3; IX.59.4; X.59.4; XIII.2/2/. 2.

²⁵ *Нетушил. Ук. соч.* С. 265.

²⁶ *Немировский. Ук. соч.* С. 260; *Игнатенко А.В.* Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики: историко-правовое исследование. Свердловск, 1976. С. 47, 82.

сената исходя из его разумения интересов общины, далеко не всегда совпадавшего (особенно по результатам) с чаяниями плебеев. Учтем, что с заменой в середине V в. института военных командиров — преторов — на коллегии общегражданских магистратов — консулов (Diod. XII.25.2; Liv. III.54.14—15; 55.14; Zonar. VII.19), ростом с конца V и в первой половине IV в. количества магистратов—носителей империя, а также с расширением театров военных действий командование войсками раздроблялось. Все это неизбежно приводило к размыванию института верховного командования и сосредоточению распоряжения и управления воинскими силами в патрицианском (вплоть до середины IV в.) сенате. Поэтому в IV в. развиваются тенденции, заложенные еще со времени установления республики в конце VI в., к превращению сената в координатора действий командующих, что делает убедительной характеристику сената Ранней республики как своего рода «генерального штаба»²⁷, или точнее, центрального органа всего римского военного ведомства²⁸.

Однако полномочия сената имело ряд существенных особенностей, заставляющих пристальнее взглянуть в этот чисто римский феномен. Как уже говорилось, сенат не мог собраться самостоятельно. Ливий передает, что в 421 г. трибунское veto не позволяло сенату собраться целый год, так что для проведения выборов пришлось назначить *interregnum* (IV.43.7—12), длившийся почти весь следующий год (ср. VII.21.1—4; IX.7.14—15). Как известно, сенат в Ранней республике созывался только магистратом с империем (т.е. военачальником) и формально по его инициативе²⁹, он решал только те вопросы, которые ставил перед ним магистрат (Liv. IV.11.3; Dion. V.23.2). Обычно сенат созывали консулы и диктаторы, а в их отсутствие городские префекты (Liv. III.9.6; 29.4). Но это не означает подчинения сената магистратам. Ливий употребляет выражение «консулы докладывают сенату» (III.21.1—2; 63.6; IV.12.4). Иными словами, созвав сенат, магистраты отчитываются перед ним, просят совета и указаний³⁰, выступая, таким образом, как сенатские уполномоченные. В целом можно сказать, что многочисленные данные традиции, с одной стороны, о том, что консулы постоянно апеллировали в тяжелой ситуации к авторитету и советам сената, а с другой — оговорки, что консулы «попеняли» сенату за отсутствие здравомыслия и споры в курии (Liv. II.29.5—6) и что «консулы предложили сенату постановить отправить колонистов...» (IV.11.3), — все это свидетельствует о сложных отношениях между сенатом и магистратами.

С одной стороны, консулы зависели от сената. Они сами на протяжении V — начала IV в. были выходцами из сенатской среды (Dion. VI.69.1), более того — из небольшого числа знатных патрицианских родов (Валериев, Клавдиев, Фабиев и т.д.). Поэтому интересы сенатской аристократии были и их интересами. Их кандидатуры, как уже отмечалось, определялись сенатом, а после сложения своих магистратских или промагистратских полномочий военачальник возвращался в сенат, так что справедливо замечание Т. Моммзена, что «тенденции аристократа брали в нем верх над сознанием его должностных обязанностей»³¹.

Но, с другой стороны, магистраты были формально не подчинены сенату и даже не обязаны были законодательно выполнять сенатские советы³². Магистратов-военачальников выбирали с начала Республики центуриатные комиции (Liv. I.59.11; 60.4)³³,

²⁷ См.: Дьяков В.Н. История римского народа в античную эпоху // Учен. зап. МГПИ. Т. 46. Вып. 2. М., 1947. Ч. 1. С. 95.

²⁸ См., например: Игнатенко. Ук. соч. С. 82.

²⁹ Liv. II.29.5; III.3.6; 9.6; 30.3; Dion. VI.23.3; Cic. Leg. III.4.10.

³⁰ Liv. III.3.6; 4.5; 13.7; IV.11.3; V.50.8; Polyb. VI.12.1—8.

³¹ Моммзен. Ук. соч. С. 247.

³² Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organization in frühromische Zeit // ANRW. B.—N.Y., 1972. Bd 1. Teil 1. S. 157.

³³ См.: Liv. II.33.3; 64.1; IV.41.2; V.18.1; 52.10; X.1.; Dion. VI.49.1; X.9.10; 11.4; 13.1; 17.3; 56.2—3; 58.4; XI.45.1. См. также: Staveley E.S. Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca (N.Y.), 1972. P. 128.

которые представляли собой первоначально собрание реорганизованного по реформе Сервия Туллия войска, состоящего как из патрициев, так и из плебеев, выбиравших себе вождя³⁴. Право на совершение ауспий, т.е. испрашивание благорасположения и покровительства богов для общины и войска³⁵, и империй — высшую военную, а с V в. и гражданскую власть³⁶, аккумулирующие в себе сакральную мощь всей общины³⁷, вручались высшим магистратам по специальному закону куриатного собрания, сохранившего в республиканское время значение изначального коллектива общины полноправных сородичей-общинников, носителей верховного суверенитета и ауспий³⁸.

Поэтому консулы были ответственны и перед народными собраниями, и как выборные вожди общины и войска были полновластны в пределах своих ауспий, *potestas* и империя³⁹, вмешиваться в которые сенат не осмеливался. Данное положение вынуждало консулов, опираясь на центуриатное войско и комиции, учитывать и отражать баланс сил и интересов обоих сословий. Сенат же не был связан ответственностью и обязательствами перед всей общиной, так как он не был выборным органом, формируясь пожизненными членами по досервианскому куриатно-родовому принципу⁴⁰. Поэтому он был вне сферы юрисдикции центуриатного *populus* и не нес прямой ответственности за свои решения, перекладывая ее на плечи магистратов (*Liv.* II.28.2—3), тем более что они оформлялись как советы и рекомендации. Консулы же и другие магистраты, обязанные проводить свои решения в жизнь и обеспечивать нормальное функционирование военной организации, постоянно ощущали эту ответственность, что находило крайнее проявление в нередких случаях неповиновения войск консулам⁴¹ и привлечения консулов к суду после сложения полномочий и империя⁴², спасти от которого сенат их не мог или не хотел.

Важнейшим аспектом военной организации в V—IV вв. было комплектование воинских сил, где и сталкивались интересы патрициев и плебеев. В нем жесткая позиция сената по требованию ежегодного вывода войск на поле боя ради интересов патрициев наталкивалась на не менее бескомпромиссные запреты плебейских трибунов набирать воинов⁴³. В этих условиях консулы оказывались между двух огней и вынуждены были апеллировать к сенату как своего рода третьей стороне. Описывая накал борьбы сословий накануне первой сецессии по поводу набора войск, Ливий роняет примечательную фразу: «Консулы понимали, чего хочет от них сенат, но никого из тех, кто столь пылко говорил в стенах курии, не было рядом с ними, чтобы разделить народную ненависть» (II.28.8). В таких условиях консулам

³⁴ См.: *Dion.* VI.30.2; 49.1; VII.59; VIII.82.1—5; IX.14.1; 46.1; *Tac. Ann.* 1.15; *Gell.* XV.27.4; *Varro.* LL.VI.88; 93—95. О военном характере центуриатного собрания см.: *Staveley* Op. cit. P. 50; *Ihne.* Op. cit. S. 85, 128—129; *Gschntzer F.* *Exercitus: Zur Bezeichnung und Geschichte des Heeres im frühen Rom.* Innsbruck, 1968. S. 183. f; *Ogilvie R.M.* *Early Rome and the Etruscans.* Trowbridge, 1976. P. 53; *Kienast.* Op. cit. S. 91—93.

³⁵ *Cic. Leg. agr.* II.11.27,29; 12.31; *Cell.* XIII.15. См. также: *Palmer.* Op. cit. P. 212; *Bleicken J.* *Die Verfassung der römischen Republik: Grundlagen und Entwicklung.* Paderborn, 1975. S. 80.

³⁶ *Ferenczy E.* *The Rise of the Patrician-Plebeian State // Acta Antiqua Acad. Scient. Hung.* 1966. T. 14.1/2. P. 129; *idem.* *From the Patrician State to the Patricio-Plebeian State.* Budapest. 1976. P. 27.

³⁷ *Bleicken.* Op. cit. S. 83; *Cohen D.* *The Origin of the Roman Dictatorship // Mnemosyne.* Lypisiae, 1957. Bd 10.4. P. 307, 316—317; *Mazzarino S.* *Dalla monarchia allo stato repubblicano.* Catania, 1945. P. 63.

³⁸ *Momigliano A.* *An Interim Report on the Origins of Rome // JRS.* 1963. 58. P. 110—111; *Coli U.* *Regnum // SDHJ.* 1951. V. 17. T. 1. P. 66, 165—167; *Serrao F.* *Classi, partiti e legge nella repubblica Romana.* Pisa, 1974. P. 21—22; *Magdelain A.* *Recherches sur l'imperium, loi curiata et les auspices d'investiture.* P., 1968. P. 34; *Palmer.* Op. cit. P. 185.

³⁹ *Versnel H.S.* *Triumphus: An Inquiry into the Origin, Development and Meaning of the Roman Triumph.* Leiden, 1970. P. 355.

⁴⁰ *Altheim F.* *Römische Geschichte.* Bd 1. Frankfurt a. M., 1951. S. 199.

⁴¹ *Liv.* II.43—44; 58—59; 65.3; III.17.1; 42.2; 66.3; IV.43.7; 50.4—5; VII.12—14; *Dion.* IX. 3.4—5; 4.1; 8.3; 50; 59.6.

⁴² *Liv.* II.52.4—6; IV.41.10; 44.6—10; V.32.7—9; *Dion.* IX.46.4; 51.2; VI.23.2.

⁴³ *Liv.* II.24.2; 43.3—4; 44.1—2; III.11.1; 16.6; 26.1; IV.43.7; 53.4—8; V.16.5; VI.16.5; 27.10; 14.3; 38.8.

приходилось постоянно лавировать, идти на уступки, что неизбежно приводило к их столкновению с сенатом.

Проявление этих противоречий правомерно усмотреть в демонстративном сложении полномочий диктатором Манием Валерием после отказа сената облегчить участь защищаемых им должников накануне первой сессии (Liv. II.31.8—10; Dion. VI.43.2), в предложении Сп. Кассия разделить землю среди плебеев в 486 г. (Liv. II.41.2), что закончилось его казнью. И.В. Нетушил справедливо писал, что причиной казни Кассия явилось его вторжение в права и интересы сената как представителя аристократических сил⁴⁴. Заметим, что Кассий должен был провести свой закон через комиции, но сенат отказался его утвердить и с помощью квесторов устранил инициатора (Liv. II.41.10). Однако давление плебса в деле принятия аграрных законов и допуска плебеев к общественной земле было на протяжении V в. настолько велико, что даже консулы из знатных фамилий Цезон Фабий в 479 г. (II.48.2) и Эмилий в 467 г. (III.1.2) вносили в сенат предложения о наделении плебеев землей, что вызвало ненависть к ним со стороны сената, отвержение их рогадий уже на стадии предварительного обсуждения в сенате и вызвало обвинения в «трибунских замашках» и щедрости за чужой (т.е. сената) счет вместо защиты интересов патрициев. Наиболее ярко оппозиционность выбираемых комициями (после кодификации законов и перехода к коллегии консулов) магистратов к сенату проявилась в деятельности консулов Валерия и Горация, выражавших интересы умеренной группировки сената, членами которого они сами были (Liv. III.39.1—4; 41.53.1—3; 55).

Представляется, однако, что подобное поведение консулов можно объяснить не только и даже не столько их здравомыслием и пониманием невозможности в условиях все большего вовлечения плебеев в *populus* и военную организацию сохранять в неприкосновенности и экономическое, и политическое господство сенатской аристократии. Их не могла не заботить эффективность самой военной организации — нормальное комплектование войск, дисциплина и численность воинского контингента, определяемого в основном количеством земельных собственников, ибо в Риме Ранней республики понятия воин и землевладелец совпадали.

Исходя из сказанного, можно подчеркнуть, еще раз, что в V—IV вв. в ходе развития военной организации, оказывавшей сильное влияние на генезис *civitas* и ее конституционное устройство, развивалось объективное противоречие между двумя системами управления — узкословным патрицианским сенатом, опиравшимся на родоплеменные пережитки и сакральные нормы (см. ниже), и выборной магистратурой военачальников, развившейся к середине V в. в общегражданскую должность. Традиция демонстрирует постоянное стремление этих двух систем, эволюционирующих и функционирующих как бы в двух разных плоскостях (впрочем, постоянно перекрещивавшихся), дистанцироваться друг от друга и в то же время их неразрывное диалектическое единство. При этом консулы не могли обходиться без авторитета сената, а последний стремился, сохраняя имидж третьей стороны, постоянно подчинять консулов своей власти.

В борьбе за политическое верховенство сенат опирался на право предварительного обсуждения всех законопроектов и утверждение решений комиций⁴⁵, в том числе и по выборам консулов. Далее, он шел на ограничение полномочий консулов путем изъятия у них некоторых функций. Согласно Ливию (IV.8.5), именно сенаторы «с радостью» предложили введение цензуры, хотя выборы цензоров проводились центуриатными комициями. Но это знаменовало эмансипацию сената от консулов, которые до 443 г. обладали правом утверждать, а, возможно, и уточнять цензовые списки сената⁴⁶. Так как цензорами могли быть только патриции (фактически —

⁴⁴ Нетушил. Ук. соч. С. 271.

⁴⁵ Моммзен. Ук. соч. С. 242.

⁴⁶ Там же. С. 247, 249, 276, 298; Heurgon J. The Rise of Rome to 264 B.C. L., 1973. P. 149; Gjerstad Op. cit. S. 180—182.

члены сената), то его влияние усилилось, в частности, в деле составления цензовых списков имущественных разрядов, которые были основой комиций и комплектования центурий войска. Поэтому, вероятно, посягательство диктатора Мамерка на права и продолжительность отправления цензуры вызвало столь резкую реакцию цензоров (IV.24.8).

Как известно, квесторов первоначально назначали преторы-консулы под эгидой своего империя (Тас. *Ann.* II; Сис. *Pro Plancio*. XI.28), но затем их выборы не без участия сената (*Liv.* IV.43.12) были переданы центуриатным комициям, результаты которых утверждал сенат (*D.I.P.* 22). Сохраняет значение мнение Нетушила, что сенат, не располагая собственными исполнительными органами, предпочел передать квесторов и, добавив, военных трибунов (*Liv.* VII.5.9) в ведение центурий, ибо консульские назначения находились вне сферы действия сената⁴⁷. Ливий сообщает, что выборы квесторов сенат оставил доступными и для патрициев, и для плебеев (IV.54.5), что указывает на роль сената в контроле за этой должностью, ибо квестор распоряжался военной добычей и ведал казной⁴⁸, из которой без сенатского разрешения не имел права совершать никаких трат никто. Следует отметить развивавшуюся в течение V в. тенденцию передачи консулами военной добычи не напрямую войнам, а квесторам, вычитавшим немалую ее часть в государственную казну (IV.15.7; V.22.1). Особенно она усилилась со второй половины V в.

Наконец, сенат нередко изымал у консулов на время сам военный империй путем введения диктатуры. Диктатор назначался декретом сената⁴⁹, который определял и его кандидатуру⁵⁰. Консул как носитель империя обязан был лишь с соблюдением обрядов и ауспий (*Liv.* IX.38.14) провозгласить избранного сенатом кандидата (IV.13.14; 26.11; 31.4; VII.12.9). Попытки консулов противиться назначению диктатора или самостоятельно определять кандидатуру встречали резкое сопротивление сената (*Liv.* IV.26.5—9; VI.39.2). Диктатор был подотчетен именно сенату и представлял собой институт прямого сенатского правления, хотя и ограниченный выполнением конкретной задачи.

Кроме того, сенат имел право определять форму высшей магистратуры — консулат или консулярный трибунат⁵¹, предпочитая консулат⁵², доступный лишь патрициям и избавленный от конкурентной борьбы разных кандидатов. По требованию сената неоднократно слагали свои полномочия досрочно консулярные трибуны⁵³, а для того чтобы лишить плебейских трибунов с консульской властью или консулов возможности провести выборы своих преемников сенат насильно вводил интеррегнумы (*Liv.* V.17.3—4; VII.17.10; *Dion.* XI.62.1).

Однако следует подчеркнуть, что противоборство сената и консулов, сената и плебейских трибунов отягощалось как зависимостью сената в своих собраниях от магистрата, что исключало активное влияние на политическую жизнь, так и полным отсутствием подчиненных непосредственно сенату каких-либо административных или карательных органов. Сенат не располагал даже ликторами для охраны и принуждения, прибегая при необходимости к ликторам консулов или квесторам. Поэтому сенаторы были не в состоянии воздействовать самостоятельно на непокорных граждан и магистратов и вынуждены были обращаться за помощью к другим должностным лицам вплоть до ненавистных им плебейских трибунов (*Liv.* IV.26.8—10; 56.9—11). Отсюда периодическая фронда консулов и неспособность сената воспрепятствовать, например, назначению плебейским консулом диктатора по своему

⁴⁷ Нетушил. Ук. соч. С. 255.

⁴⁸ *Sall. Jug.* 29.4—6; *Dion.* VII.63.2; XI.46.4.

⁴⁹ *Liv.* IV.17.9; 23.5; 21.10; 26.5; 46.10; VII.19.10; VIII.23.13; IX.38.9—14.

⁵⁰ *Liv.* VIII.23.13; IX.7.12; 38.12—13.

⁵¹ *Liv.* IV.7.7—9; 17.7; 26.11—12; 43.7,12; 54.9; V.29.1—2; 31.1; *Dion.* XI.62.1.

⁵² Bloch G. La république romaine. Les conflits politiques et sociaux. P., 1813. P. 77.

⁵³ *Liv.* IV.7.8; 25.14; 42.2; 48.15; 53.13; V.9.1—4; II.10—11; 17.3—4.

усмотрению тоже из плебеев. Как передает Ливий, сенаторы «изо всех сил старались помешать постановлениям и приготовлениям диктатора для этой войны (т.е. войны с этрусками в 356 г. до н.э. — *V.T.*), но народ тем охотнее утверждал (*populus iussit*) все, что предлагал диктатор» (VII.17.7). Более того, он без согласия сената справил триумф (*ibid.* 9).

Данное положение сената в системе органов управления определило как методы претворения сенатских решений в жизнь, так и причину постоянных уступок и лавирования сената, привлекающего на свою сторону попеременно различные общественные группировки, магистратов, заигрывающего с плебейскими трибунами и действующего преимущественно убеждением, авторитетом, подкупом, разъединением оппозиционных сил (*Liv.* II. 44.5; IV.48.8—12; 55.6). Более того, пользуясь правом определять угрозу нападения и объявлять войну, сенат, как показывает традиция, оказывался заинтересован в поддержании постоянной военной напряженности и даже искусственном раздувании внешних конфликтов, которыми, по выражению Плутарха, сенат словно врачеватель лечил внутренние смуты (*Cam.* 9).

Источники демонстрируют отсутствие у сената права непосредственного воздействия на общину. Он мог внести в народное собрание законопроект или предложить провести набор не самостоятельно, а только через магистрата⁵⁴. Дионисий приводит любопытный эпизод, когда после запрещения трибунами набора сенат принимает решение, обязывающее патрициев выйти в поле со своими клиентами, и объявляет принявшим участие в походе обретение милости богов, а оставившим консулов — наоборот (X.43.3). Очевидно, прямая юрисдикция сената распространялась только на членов куриатно-родовой организации, представителями и членами которой являлись сами «отцы». Иными словами, она приказывали своим сородичам, подчиненным им как *patres familias*⁵⁵.

Данные факты подчеркивают уникальную особенность римского сената: сосредоточив в своих руках всю военную власть, он не имел механизмов для ее осуществления и действовал исключительно через магистратов.

Таким образом, проведенный анализ данных римской традиции позволяет выявить место, занимаемое сенатом в политической системе Рима V—IV вв. С одной стороны, он сконцентрировал в своих руках всю полноту власти, включая военную. Цицерон справедливо замечает: *magistratus quasi ministros gravissimi consilii esse voluerunt maiores nostri* (*Pro Sest.* 65.137), т.е. магистраты облакались высшей исполнительной властью сенатом, но последний он характеризует как *consilium* (совещательное собрание). С другой стороны, в источниках не обнаруживается сведений о каком-либо законодательном закреплении его положения среди других институтов Ранней республики и границ его компетенции. Его необъятные полномочия красноречиво очерчены Дионисием в речи Менения Агриппы во время первой сецессии: «...сенат управляет публичными делами и обеспечивает, что необходимо для каждого, предохраняет, охраняет и направляет» все дела (VI.87.5), т.е. играет скорее пассивную роль стража обычаев и конституционного строя, но в то же время, как мы видели выше, именно он фактически формирует этот строй.

В этом, несомненно, заключалось своеобразие римской политико-правовой системы. Раннереспубликанский сенат не только выбивался из общего ряда институтов и органов управления раннеримской *civitas*, но и, как показывает традиция, всячески противился фиксации своих прерогатив. Ливий в связи с этим замечает, что «отцы» в 462 г. во время рогации Терентилия Гарсы о введении коллегии для записи законов резко возражали против ее принятия, так как «боялись в отсутствие консулов попасть под ярмо нового закона» (III.9.6; ср. *Aug.Vict.* XXI.1). Отсутствие правовых норм деятельности сената позволяло ему проникать во все сферы общественно-политической жизни и создавать при этом имидж общегражданского надполитического и внесос-

⁵⁴ *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. I. 3. Aufl. Lpz., 1887. S. 212; Bd II. S. 80, 125; Bd III. S. 390.*

⁵⁵ *Heurgon. The Rise... P. 148.*

ловного органа (ср. Liv. III.24.9). Но в этом заключалась и слабость сената, ибо он мог опираться в основном только на свой авторитет (см. ниже), который зависел от баланса общественно-политических сил.

Возникает вопрос о причинах как слабого, «внеконституционного» положения сената в раннеримской *civitas*, так и столь легкой и успешной узурпации им прерогатив не только высшего общинного совета в условиях падения значения куриатно-родового строя, но и верховного распорядителя центуриатными воинскими силами. Обратим внимание на характеристику Цицероном политических принципов раннеримского государства: «... в те времена сенат управлял государством так, что, хотя народ и был свободен, волей народа вершилось мало дел, а большая часть решениями сената и по установившимся обычаям» (Rep. II.32.56). А сохранение значения сената после первой сецессии он объясняет так: «... умнейшие и храбрейшие мужи охраняли государство оружием и своими мудрыми решениями и их авторитет был в полном расцвете...» (II.34.59). Помимо намека Цицерона на военное значение сената, поставлявшего кадры военачальников, представители которого лично принимали участие в некоторых битвах (см. Liv. III.6.9; 69.8; V.50.8; Plut. Popl. II.1), особо выделим его акцент на *auctoritas patrum* как основе и источнике власти сената. Причем этот авторитет базировался на нормах обычного права, идущего из глубин родоплеменного строя, хранителем и толкователем которых оставался именно сенат⁵⁶ как наследник этих древних традиций (*mores maiorum*).

Важнейшим следствием обладания *patrum auctoritas* было право предварительного обсуждения сенатом вносимых магистратами в народное собрание законопроектов⁵⁷. Это позволяло контролировать законотворческую деятельность комиций и лояльность магистратов сенату, а также отсеивать нежелательные и просто опасные для патрициев проекты на самой ранней стадии. Как отмечали многие исследователи, только предварительное одобрение патрицианским сенатом предложений центуриатным комициям делало возможным сохранение влияния патрициев в законодательстве, несмотря на их численное меньшинство в комициях⁵⁸. Это же право обосновывало действенность собственных предложений сената магистратам, в том числе по военным вопросам, которые, будучи скрепленными *patrum auctoritas* приобретали вес больший, нежели рядовые рогагии. Согласно сообщению Дионисия (VII.38.3—4), сенат и при царях, и при консулах решал все дела предварительно (*προϋβουλευσα*) и никто в это право не вмешивался, а затем царь выносил резолюции сената на народное собрание (*εἰς τὸν δῆμον*), причем историк называет это обычной практикой.

Но кроме данного действенного инструмента влияния сенат обладал еще правом утверждения всех постановлений куриатных и центуриатных комиций (*comitia populi ratia, nisi ea patrum adprobaverat auctoritas*: Cic. Rep. II.32.56). Только после этого они приобретали законную силу и вводились в действие. Это была существенная власть, которая позволяла сенату воздействовать на всю политическую систему и от которой зависела законодательная сила собраний⁵⁹. Она знаменовала превосходство сената над комициями и магистратами и поэтому больше всего подвергалась критике со стороны плебеев и плебейских трибунов, но лишь в 232 г. в комициях впервые прошел аграрный закон против воли сената (Polyb. II. 21; Val. Max. V. 4.5; Cic. Brut. 14.57). А первое ограничение власти сената утверждать решения комиций относится к 339 г., когда диктатор Кв. Публилий Филон прорвал закон, по которому «законы должны были утверждаться отцами до представления их на голосование в

⁵⁶ Mommsen. Ук. соч. С. 76.

⁵⁷ Liv. I.17.9; 22.1; VI.3.10; VI.42.10; Dion. VII.38.3—4; IX.51.7. См. также Palmer Op. cit. P. 198.

⁵⁸ De Martino F. Storia della costituzione Romana. 2 ed. Napoli, 1960. V. 1. P. 218, V. 2. P. 128; Von Lübtow U. Das römische Volk: Sein Staat und sein Recht. Frankfurt a. M., 1955. S. 245; Ferenczy. The Rise... P. 127.

⁵⁹ См. Нетушл. Ук. соч. С. 237; Mommsen Th. Romisches Staatsrecht. Bd. III. 1. S. 156; Von Lübtow. Op. cit. S. 302.

центуриатные комиции» (Liv. VIII.12.15). Следовательно, с этого времени комиции, хотя и не избавляются от предварительного контроля со стороны сената, но приобретают характер высшей инстанции, принимающей или отвергающей сенатское постановление (см., например: Dion. II.14). Заметим, что возможность принятия этого закона, предварительно обсужденного также сенатом, появилась только с относительным изменением сословного состава сената в результате пополнения его бывшими магистратами из плебеев и разрешением браков между патрициями и плебеями. Поэтому ожесточенная борьба сенаторов в V в. против допуска плебеев к высшим магистратурам с империем была одновременно и борьбой за патрицианскую чистоту самого сената.

Наконец, необходимо рассмотреть причины превосходства *patrum auctoritas* над законодательной практикой Ранней республики. Как известно, при царях сенат занимал важное, но подчиненное по отношению к царю положение *consilium regium*, особенно при правлении «этрусской династии» и преимущественно в военной сфере, где совету старейшин объективно противостоял пожизненный царь — военный вождь, получавший империй от куриатных комиций и опиравшийся на куриатное ополчение⁶⁰. Царь составлял сенатские списки и мог включать в них нужных ему людей⁶¹. Положение должно было неизбежно усугубиться после перехода системы комплектования войска с куриатной основы, при которой отряд курии имел в лице сенатора покровителя и представителя курии, на центуриатную, лишившую сенаторов влияния на сородичей именно в войске.

После свержения царей, проведенного узкой группой знатных родов (Liv. 1.58—59; Plut. Popl. 1.3) и благодаря ему⁶² положение сената круто изменилось. Он был пополнен 164 новыми членами из плебеев⁶³ или всадников (Liv. II.1.10—11)⁶⁴. Для сохранения своей власти он вынужден был пойти на уступки плебеям и легализацию политических прерогатив центуриатного войска, которое впервые избрало консулов (или преторов). Хотя сенат остался пережитком родоплеменной эпохи, но пережитком, крайне необходимым не только патрициям, но даже плебеям. Во-первых, он превратился в единственный постоянный орган управления, в котором заседали пожизненные члены, не подвластные сиюминутной политической и выборной конъюнктуре и благодаря военному стажу превратившиеся в профессионалов. Там происходили реальные обсуждения и дискуссии, хотя нередко и бесплодные (Liv. III.52.1). Там анализировалась внутренняя и внешняя обстановка и решения принимались исходя не только из текущих чаяний, но и долговременных государственных перспектив.

Именно сенат благодаря своей «выключенности» из складывающейся в V—IV вв., а потому нестабильной структуры *civitas* объективно стал стабилизирующим фактором в бушующем море борьбы сословий, калейдоскопе ежегодно сменяемых магистратов, подверженных влиянию тех или иных социальных сил, в превратностях военной политики, тесно переплетенной с социальной борьбой внутри общины. Именно сенат не только сам постоянно пытался взять на себя роль третейского судьи в межсословных спорах (хотя ни римские анналисты, ни сами плебеи Ранней республики не заблуждались относительно его истинных, патрицианских пристрастий), но, что более важно, осуществлял в силу своего постоянного характера преемственность как политики римского полиса, так и поддержания в боевой готовности его военной организации.

⁶⁰ Маяк И.Л. Рим первых царей: Генезис римского полиса. М., 1983. С. 246, 259; Hankel F. Die Ernennung und die sociale Stellung der römischen Kriegstribunen. Dresden, 1890. S. 28.

⁶¹ См. Игнатенко. Ук. соч. С. 59; Gjerstad. Op. cit. S. 157. 169—170.

⁶² Bleicken. Op. cit. S. 76; Bloch. Op. cit. P. 56; Hankel. Op. cit. S. 28.

⁶³ Dion. V. 13. 2; Plut. Popl. II. 1—2.

⁶⁴ Ср.: Richard J.-Cl. Les origines de la plebe romaine. Essai sur la formation du dualisme patricio-plebeien. Roma, 1978. P. 482—483.

И.Л. Маяк справедливо отметила, что «Сенат в начале царской эпохи играл особую важную роль именно в тот момент, когда царя не было»⁶⁵. Это проявилось в затягивании вопроса с избранием нового царя после смерти Ромула (Liv. I.16—17; Dion. II.57; Cic.Rep. II.12.23). Аналогичное положение прослеживается и в период поздней монархии. Но пожизненный характер правления царя делал введение интеррегнума редкостью. И лишь с установлением республики сенат присвоил себе право не только оказывать влияние на подбор магистратов, но и вводить ежегодно официальные *interregnum*, что позволяло теснее контролировать военачальников (преторов, консулов) и служило целям предотвращения принятия нежелательных сенату законов или выборов (Liv. VII.17.10).

Но следует учесть, что власть сената усиливалась также и в период передачи полномочий от одних консулов другим и вступления новых магистратов в должность, знакомства их с состоянием дел, принятием воинских сил и их формированием. В этой ежегодной ситуации опыт и советы сената оказывались необходимы для осуществления преемственности магистратуры и военного командования и незаменимы даже личным опытом магистрата. Именно поэтому он не мог игнорировать сенат, ведавший казной, хранивший мирные договоры и осуществлявший посредничество в акте вручения куриатными комициями военачальнику империя.

Наконец, еще одна причина сохранения полновласти сената в период Республики заключалась, на мой взгляд, в его обособленности от институтов формирующегося государства и сохранении в раннеримском обществе сильных пережитков родоплеменного строя, в опоре на традицию, *more maiorum*, идущие из глубокой древности и отраженные в сакральных культах и обычном праве. Авторитет, древние, освященные ауспигиями, даже потерявшие свою актуальность установления сильнее воздействовали на сознание римлян, нежели гражданские законодательные акты. Сенат в этом смысле был хранителем лавров и пенатов общины, блюстителем ауспигий, гарантом стабильности и мощи *civitas*, средоточием фортуны и заступником перед богами (см. Dion. X.43.2). Особо следует отметить существенную особенность Сервианской центуриатной реформы — она в отличие от реформ Солона и Клисфена в Афинах не отменила прежнюю куриатную систему, лишь оттеснив ее от военной организации и оставив ей «экологическую нишу» в решении родовых, сакральных и некоторых судебных вопросов. Так как полноправным гражданином в *populus* мог считаться только член куриатной организации, то патриции во главе с сенатом составили в период Республики привилегированное сословие в новом военнополитическом *populus*, а сама куриатная организация, представителем которой был сенат, сохранила свое значение исконного коллектива полноправных граждан-общинников, носителей высшего суверенитета и империя.

И хотя в состав центуриатного *populus* со временем вошли, хотя бы и в качестве неполноправных *cives*, плебеи⁶⁶, хотя изменилась войсковая структура, послужившая базой реорганизации всей общественно-политической системы, сенат в V — первой половине IV в. по-прежнему символизировал стабильность и целостность общины, ее преемственность с исконной Ромуловой. Последнее поддерживалось, как было показано выше, принятием на себя сенатом функций верховного распорядителя войском, что способствовало его управляемости и организации комплектования и снабжения. Причем, действуя только опосредованно, ибо он не располагал империем, и, сохраняя видимость беспристрастного органа, сенат оказывался практически бесконтрольным и не ответственным.

В результате в первые века Республики возникло положение, при котором военная организация Рима стала функционировать в интересах не столько всей общины, сколько сенатской аристократии, которая использовала войско для расширения своих земельных владений вследствие исключительного права членов курий на *ager publicus*,

⁶⁵ Маяк. Рим... С. 239 сл.

⁶⁶ Маяк И.Л. *Populus, cives, plebs* начала Республики // ВДИ. 1989. № 1. С. 79—80.

накопления богатств, благодаря бесконтрольному распоряжению поступающей в общинную казну добычей, и сохранения политического господства патрициев посредством использования войн и военной организации как инструмента для решения внутренних социальных противоречий. Поэтому требует уточнения мнение Е.М. Штаерман о том, что раннереспубликанская армия ни в коей мере не была отделена от граждан, из которых она состояла⁶⁷. Прослеженный выше комплекс сведений традиции об использовании военной организации для блокирования социального протеста плебеев против различных форм эксплуатации и неравноправного положения в центуриатной военной и политической системе подтверждает выводы И.Л. Маяк о существовании в V—IV вв. в Риме «военной» эксплуатации плебеев именно как сословия⁶⁸. Анализ традиции позволяет утверждать, что эту эксплуатацию возглавлял сенат, узурпировавший функции верховного распоряжения и верховного контроля над всей центуриатной военной организацией. А она, в свою очередь, еще совпадая в системе комплектования с *ropulus* и понятием гражданства, все больше на практике действовала в интересах узкой группы людей, сосредоточенной в патрицианском сенате.

Итак, можно заключить, что в Ранней республике римский сенат, представляя в центуриатной организации осколок древнего куриатно-родового строя, не занимая строго фиксированного места в конституциональном устройстве *civitas* и не располагая формально аппаратом военно-политического воздействия на *ropulus*, реально сосредоточил в своих руках все нити управления как римской общиной, так и ее центуриатной военной организацией. Все это оказывало существенное влияние на формы и темпы эволюции *civitas* и ее воинских сил, что может служить доказательством уникального характера раннеримского сената.

ROMAN SENATE AND CENTURIAL MILITARY ORGANIZATION IN THE EARLY REPUBLIC OF THE VIth — IVth CENTURIES B.C.

V.N. Tokmakov

Sources show that after the expulsion of the kings the Senate not only started to determine the external policy of the Republic, but also controlled the composition of the military forces of the emerging *civitas*, decreed the time and place of hostilities, supervised the behaviour of the commanders, constantly sought to enhance its role in the distribution of the military trophies, i.e. assumed the real supreme power over the military organization of the Early Roman Republic. Collegiality and a year's tenure of the military magistracies inevitably led to a gradual concentration of the command over the army in the Senate, which gave rise to a dialectical contradiction between the Senate and the consuls. Since candidates for the consulship were proposed by the Senate, the Vth century consuls depended on the Senate patricians. But within their *inperium* the consuls were independent and directly responsible to the people of both orders for the combat readiness of the troops affected by the social struggle of the plebeians, the backbone of the military force since the establishment of the Republic. Taking into account the balance of forces in society and relying on the centurial army, the consuls were forced to oppose the interests of the Senate. The Senate sought to turn consuls into its agents and constantly tried to restrict their authority (for example, by instituting censorship and taking away the elections of quaestors from the authority of the consuls and giving this authority to the *Comitia Centuriata*, whose decisions were approved by the Senate). Finally, the

⁶⁷ Штаерман Е.М. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. 1989. № 2. С. 88.

⁶⁸ Маяк И.Л. К вопросу о социальной структуре и политической организации Архаического Рима // ВДИ. 1989. № 3. С. 96. См. также: *Игнатченко*. Ук. соч. С. 60, 83.

Senate turned the dictatorship, instituted by, and accountable only to the Senate into a tool of a temporary withdrawal of the imperium from consuls and introduction of a direct Senate rule.

But having usurped the supreme command over the army, the Senate possessed no mechanism for a direct influence on the civitates and the army and could exert pressure only through the magistrates, which weakened its political position and forced it to make constant concessions to the plebians in the Vth—IVth centuries B.C. At the same time the Senate objected to the recording of its prerogatives. Their juridical vagueness, dependence on the tradition (auctoritas patrum) gave it an image of an arbiter, and uncontrolled body. Such an easy usurpation by the patrician senate of the military function, alien to it, in the regal period can be accounted for by the fact that with the establishment of the Republic, the Senate became the sole standing and professional institution of running the military organization, once the prerogative of the kings. Thanks to its non-involvement with the emerging political system of the civitates the Senate became a stabilizing factor in the struggle of the orders and in the kaleidoscope of an annually changing magistrates. As a result, the military organization, which in the Vth century became mostly plebeian and which formally still coincided with the civic community, increasingly functioned in the interests of the Senate patricians, who with its help suppressed social unrest, strengthened and prolonged their domination of the civitas and successfully exploited the plebs as an order militarily.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЦА